

Светлана Алешина

Без шума и пыли

Часть сборника
Без шума и пыли (сборник)

Светлана Алешина

Без шума и пыли

Серия «Папарацци»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5972537

*Алешина С. В. Без шума и пыли. Сыграем в прятки?: Повести.: Эксмо-пресс; Москва; 2000
ISBN 5-04-004218-3*

Аннотация

«...– Вы сказали, что у Алексея были подружки, – решила я вернуться к интересующей меня теме, надеясь, что Ирина уже не помнит, о чем мы говорили.

Она обвела задумчивым взглядом комнату и уставилась в окно.

– Ну были, и что? – Она перевела взгляд на меня.

– Вы имеете в виду, что он изменял вам? – была я в одну точку.

– Ха-ха-ха, изменял? – Ее лицо словно передернуло нервным тиком. – Наверное, изменял, все мужики одинаковые, пользуются, когда подвернется смазливая бабенка. А уж в шоу-бизнесе таких возможностей хоть отбавляй. Все эти показы, конкурсы, дефиле, длинноногие плоские модели неопределенного пола.

«Да уж, твою принадлежность к слабому полу никак нельзя назвать неопределенной», – глянула я на распираемую грудями футболку...»

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Светлана Алешина

Без шума и пыли

Глава 1

– Нет-нет, так не пойдет, – сказала молодая женщина в длинном черном платье.

Она повернулась к сцене спиной, взяла с обитого малиновым бархатом кресла цветастую шаль и набросила ее на плечи. У женщины были гладкий лоб, красивые глаза орехового цвета, точеный носик и небольшая родинка над верхней губой. Блестящие каштановые волосы были собраны в пучок. Нахмуренные брови и плотно сжатый рот придавали ее лицу жесткое и решительное выражение.

– Оксана, Лена, Света, – хлопнула она в ладоши, – еще раз все сначала! И не забывайте: вы на подиуме, а не на базаре. Голову ровнее, походка от бедра, взгляд должен быть спокойным и торжествующим: вы знаете, что прекрасны и глаза сотен человек устремлены на вас.

По сцене прошел нестройный шепот. Несколько высоких девушек в обтягивающих маечках и трико выстроились в ряд и приготовились к тренировочному дефиле.

– Сережа, давай, – скомандовала женщина в черном платье, посмотрев куда-то вправо, под самый потолок.

Парень, чья светлая кудлатая голова маячила в крохотном оконце в правом верхнем углу темного зала, едва заметно кивнул, и гулкую тишину помещения нарушила громкая ритмичная музыка.

– Света, Света, – гневно выкрикнула женщина в шали, – ну нельзя же так!

Она закусила от досады губы и раздраженно мотнула головой. Темная прядь выбилась из прически и упала на висок.

Коротко стриженная блондинка растерянно замерла посреди сцены, в то время как ее коллеги продолжали двигаться по подиуму. Музыка внезапно стихла, пятерка девушек в нерешительности остановилась.

– Марина Рудольфовна, – чуть не плача взмолилась блондинка, – вы же видите, мы стараемся...

– Нет, не вижу, – задыхаясь от возмущения, произнесла женщина в шали, – если бы старались, не шли бы как слони-хи на водопой, а ступали бы как нимфы. Не забывайте, что мы будем представлять молодежную коллекцию «осень – зима». Никто не требует от вас, чтобы вы порхали как балерины, но нельзя же ходить по подиуму так, как вы ходите по улице! И ведь мы с вами уже не первый раз отрабатываем этот кусок, в чем же дело?

Глаза Марины Рудольфовны, перебегая с одной девушки на другую, метали молнии. Она села в кресло, закинула ногу на ногу и принялась нервно покачивать правой ногой.

– Максим, – резко обратилась она к сидящему в зале чер-

новолосому парню с застывшим от напряжения бледным лицом, – дай мне сигарету и подумай, что нам делать с этими неповоротливыми клячами.

Она с ядовитым злорадством еще раз обвела глазами подиум и, не наклоняясь, прикурила от зажигалки поспешившего на зов Максима. Стоящие на подиуме девушки неодобрительно зашушукались между собой.

– Хватит болтать, – вскочила с кресла как ужаленная Марина Рудольфовна, – все – на исходную позицию! Вы здесь не бесплатно трудитесь, извольте выполнять мои распоряжения.

Девушки безмолвно повиновались.

– Ну, как тебе этот бордель? – выпустила струю дыма прямо в лицо Максиму Марина Рудольфовна.

– Не знаю, что сказал бы Лешка по этому поводу, – растерянно пожал плечами худощавый брюнет, – ему, конечно, виднее, да и тебе тоже, – поторопился он добавить, – а вот мне кажется, что не все так плохо.

– Мнение Лешки с некоторых пор меня не интересует, он тряпками занимается, а я – телами! Ему легче – сиди, изобретай. Он ни от кого, по сути, не зависит... Портные свое дело знают, тем более что ему повезло с мастерами. Многие вещи он сам делает, так что ему проще.

– Ну, это с какого бока посмотреть, – осмелился противоречить Марине Рудольфовне Максим, но, наткнувшись на ее свирепый взгляд, осекся и замолчал.

– Сергей! – Марина Рудольфовна подняла глаза к потолку.

Снова грянула музыка, и в такт ее стремительным аккордам по сцене пошли девушки. Марина Рудольфовна, изображая равнодушие, краем глаза наблюдала за их движениями.

– Бог ты мой, – сорвалась она, – ты посмотри, как эта ту-пица идет!

Реплика относилась все к той же коротко стриженной блондинке. Произнесенная довольно громко, она подействовала на последнюю как удар хлыста. Светлана застыла как соляной столп, а потом, закрыв лицо руками, зарыдала.

Максим озадаченно посмотрел на ухмылявшуюся Марину Рудольфовну.

– Эмоции свои прошу держать при себе. Сергей, останови пленку, у нас тут своя музыка!

Марина Рудольфовна открыто потешалась над бедной манекенщицей. Девушки таращили друг на друга глаза, ни одна из них не решалась посмотреть в зал.

– Отправляйся к себе, приведи себя в порядок и снова за работу, – резко произнесла Марина Рудольфовна. – Объявляю перерыв. Десять минут.

Девушки кинулись к кулисам. Им не терпелось освободиться от присутствия Медузы Горгоны.

– Ты не представляешь, как я устала, – тяжело вздохнула Марина Рудольфовна и потянулась. Взгляд Максима потеплел. Ленивая грация жестокосердной укротительницы стройных девичьих тел подействовала на него магически.

– Может, поужинаем сегодня вместе? – вкрадчиво шепнул он, накрывая ладонью узкую кисть Марины.

– Ни в каких авантюрах я участия больше не принимаю, – холодно сказала она, высвобождая руку, – у меня завтра показ, дел по горло.

– Плутуешь, матушка, – с приторной фамильярностью отозвался Максим, – пара часов ничего не значит.

– Но может и значить... – лукаво улыбнулась Марина, поправляя на плечах свою испанскую шаль.

– ...если проводишь ее с человеком, который тебе действительно не безразличен. Так что, поужинаем?

– Если бы не твои бархатные глаза, – с иронией в голосе сказала Марина, – я бы отказалась, но ты умеешь так проникновенно посмотреть на женщину в минуту, когда она колеблется...

Теперь в голосе и жестах Марины было столько соблазнительной томности и изящества, что оставалось загадкой, как она могла сочетать в себе свирепость тигрицы и кротость небесного ангела, хотя скорее, подумал Максим, ангела-искусителя.

– Ты видела Лешкину коллекцию? – с безразличным видом осведомился Максим.

– Кое-что... – уклончиво ответила Марина, – не бог весть что, надо сказать. Раньше он проявлял большую изобретательность. Пойми, юбки в крупную складку и широкие брюки хаки – для Запада вчерашний день. А он из этого хочет

сделать революцию! Представляю, что об этом напишут газеты: «Замуруев представил потрясающую осенне-зимнюю коллекцию. Последний писк сезона – юбки в складку, пуловеры крупной вязки и объемные комбинезоны, асимметричные манто из искусственного меха и расшитые золотом унты». Ха-ха! Да это же мода для тинейджеров. Он что, уже настолько чувствует себя старым, что решил предложить дамам подростковые юбочки и брючки? Сдается мне, что теперь он руководствуется девизом: нам не до красоты и роскоши – лишь бы было доступно! Я бы назвала его новую коллекцию «Геронтофобия».

– Забавно, – усмехнулся Максим, – а ведь Лешка действительно уверен, что его новая коллекция произведет фурор.

– О да, не сомневаюсь в этом, вот только боюсь, что Ложка не поймет Лешку, – рассмеялась своему каламбуру Марина, – и лишний раз будет иметь повод задуматься, кого он снабдил миллионами и зачем это ему надо.

– Мне кажется, ты излишне критична по отношению к Лешке. Он по-настоящему талантлив...

– О да, Готье и Гальяно в одном лице! – язвительно сказала Марина, вставая с кресла. – Ладно, – пренебрежительно махнула она рукой, – оставим это. У меня с Замуруевым договор, я должна выполнять его параграфы, а все остальное мне глубоко безразлично. И потом коллекция твоей сестры мне нравится намного больше.

– Ну, это ты льстишь Марго, ей до Лешки, как мне до ба-

лерины!

– А не завелся ли в тебе, Макс, червячок мазохизма? Ты ведь должен ненавидеть Лешку, – Марина пристально посмотрела на Максима. – Или мужское начало...

– Я пытаюсь быть объективным, только и всего, – поднял на Марину невинный взгляд Максим, – не более. А насчет мужского начала... – Он поднялся с кресла и, приблизившись к Марине, обнял ее и приник к ее рту губами.

– Я не это имела в виду, – запротестовала та, отстраняя его. – Прекрати петь Лешке дифирамбы, или ты специально меня злишь?

Максим опять привлек к себе Марину, но в этот момент на сцену одна за другой стали выходить манекенщицы.

– Пусти! – Марина отпихнула Максима и обратилась к девушкам: – Итак, продолжим. Света, Лена и Оксана – в первый ряд, Оля и Мария – следом. Прогоняем весь кусок, а потом – в костюмах. Марго приготовила нам подарок. – Марина обворожительно улыбнулась Максиму.

– Ты прелесть, – шепнул он ей на ухо. – Лешка ни хрена не понял...

* * *

Если вы думаете, что еженедельник «Свидетель» освещает только криминальные события, происходящие в провинциальном Тарасове, то вы ошибаетесь. Мною как владельцем

и главным редактором «Свидетеля» перед коллективом газеты поставлена вполне определенная и, в сущности, не такая уж сложная задача: быть свидетелем всего мало-мальски интересного в нашем городе.

Мой зам – Сергей Иванович Кряжимский – постоянно пытается мне доказать, что не надо распыляться, а лучше сосредоточить свои усилия на нескольких наиболее привлекательных для читателя рубриках. В принципе я с ним согласна: он человек с огромным жизненным и журналистским опытом, но нельзя же оставить без внимания такое событие, как показ осенне-зимней коллекции моделей, тем более что модельеры – наши доморощенные кутюрье. Один Алексей Замуруев чего стоит! Его последняя летняя коллекция, с которой он ездил в столицу, даже там не осталась незамеченной, и после ее показа в московских газетах пару раз упоминалось имя Замуруева.

Итак, бросив все дела, которых, честно говоря, у меня стараниями Сергея Ивановича было не так уж много, и прихватив с собой «Никон» на широком ярко-желтом ремне, я устроилась в своей «Ладе» и отправилась в Дом молодежи.

Как сообщалось в пригласительном билете, показ должен был начаться в двадцать часов, то есть почти через час. Но на такие мероприятия хорошо – знаю по опыту – приезжать заранее, чтобы занять места получше и вообще разведать обстановку. Так что за сорок минут до начала я, миновав двух грозных секьюрити на входе, поднималась по широкой лест-

нице городского Дома молодежи на третий этаж.

Народу было еще не очень много – в основном наша журналистская братия: ну как же они могут пропустить такое событие! С некоторыми я была лично знакома, кого-то знала только в лицо, а двоих молодых фотокорреспондентов так и вообще видела впервые. Ну ничего, Тарасов город маленький, обязательно еще где-нибудь столкнемся нос к носу. А может, еще и сегодня разузнаю, кто такие.

Высоченные двери зала были распахнуты, и через них туда-сюда сновали приглашенные и обслуга. Вырядились, конечно, все как на парад. Словно не им будут демонстрировать новую коллекцию моделей, а они сами решили блеснуть обновками. Я в своих скромных джинсиках «Big star» выглядела, как ворона, случайно залетевшая в стаю попугаев. Не то чтобы я не могла себе позволить что-нибудь подороже, просто не люблю выпендриваться. Кстати, покрой у «Big star» один из самых лучших, они так облегали мою попку и длинные ноги, что у некоторых крутых, припершихся на праздник моды со своими женами и подругами, просто отвисла челюсть.

Когда я сопливой шестнадцатилетней девчонкой приехала покорять Тарасов, моими любимыми нарядами были желтенькие маечки и оранжевые кофточки, которые я напяливала, отправляясь как на лекции, так и на дискотеки. Кажется, это было так давно...

Поприветствовав знакомых, я прошла в зал, который на-

чал понемногу заполняться. Я не стала пробиваться к самому подиуму, откуда и снимков-то приличных не сделаешь, а решила занять крайнее кресло возле одного из проходов, радиально разрезавших зрительские места, тем более что «Никон» позволял мне снимать практически с любого расстояния. Отсюда мне было видно и сцену, и дорожку, по которой будут ходить манекенщицы, и можно было встать, не мешая зрителям, если понадобится изменить ракурс.

Рядом со мной сидели двое «новых русских» в одинаковых клубных пиджаках. Да и сами они были настолько похожи, что я сперва приняла их за близнецов. Они сразу же обратили на меня внимание, но, к моему счастью, не могли выказать свое восхищение, потому что постоянно давали по мобильникам какие-то распоряжения и читали послания, приходящие им на пейджеры.

Время подходило к восьми, зрители потихоньку подтягивались, и к началу представления в зале не осталось ни одного свободного места. Играла негромкая музыка, которую легко заглушал гомон переполненного зала. Наконец в зале погасили свет, и софиты вырвали из мрака сцену, на которой появился невысокий лысый мужчина в темно-сером костюме. Он поприветствовал публику, отпустил несколько плоских шуток и представил хозяйку шоу, владелицу модельного агентства «Сириус» Марину Киселеву.

Марина широко улыбнулась, открывая ровные, ослепительной белизны зубы. Она взяла у лысого микрофон и, сде-

лав несколько шагов по подиуму, произнесла:

– Добрый вечер, дамы и господа. – Ее сильный, уверенный голос подействовал на публику завораживающе. – Сегодня агентство «Сириус» представляет осенне-зимнюю коллекцию нашего молодого талантливого модельера Алексея Замуруева. Многие из вас уже знакомы с его летней коллекцией, которую заметили даже в столице, а теперь у вас есть возможность первыми посмотреть новые работы Алексея. Те из вас, кому приглянется что-то из показа нашего кутюрье, могут тут же в конце вечера сделать Алексею заказы.

Киселева походкой модели прошла по подиуму к сцене, передала микрофон лысому в сером костюме и, плавно покачивая бедрами, скрылась за кулисами, из-за которых под грянувшую музыку начали выходить манекенщицы. Коротышка, подхватив микрофон, стал комментировать происходящее. Публика негромко переговаривалась, приветствуя аплодисментами особо понравившиеся модели. Зал то и дело озарялся вспышками фотоаппаратов. Я тоже сделала десятка полтора снимков и немного заскучала, озираясь по сторонам.

Мой сосед наклонился к своему «брату».

– Этого закройщика Гришка башляет, – громко произнес он, – столько «капусты» уже в него вбил.

– И че? – откликнулся второй.

– Да дохляк, кажись, – первый пожал плечами, – но он все это из-за сеструхи своей затеял. Этот фраер на ней женился,

вот Гришка и суетится.

– Ему все равно бабки девать некуда, – завистливо произнес второй, – он уже третий джип меняет. Видел его последний «Линкольн»?

– Да уж, сарай крутой. – Первый выпятил губы и поднял глаза на сцену, где в это время снова появилась Марина Киселева.

– Дорогие друзья, – с улыбкой сообщила она, – сейчас небольшой перерыв, во время которого вы можете немного подкрепиться, а потом Алексей еще раз представит свою летнюю коллекцию, включающую в себя бикини с военной тематикой. А пока вы будете отдыхать, на сцене для вас работает тарасовская рок-группа «Ноги вниз».

Вспыхнул свет, зрители потянулись к шведским столам, установленным вдоль стен. На освободившуюся сцену вышли четверо музыкантов, непонятно во что одетых, и ошарашили присутствующих песенкой под названием «Кончай лясинг-трясинг», содержание которой сводилось к тому, что вместо того, чтобы болтать языком, приятель, лучше бы ты занимался делом.

Я сделала несколько снимков гостей в непринужденной обстановке, потом подошла к столу, чтобы перекусить немного.

– Лелек, привет! – Кто-то положил руку мне на плечо.

Обернувшись, я увидела художественного редактора «Тарасовских вестей» Мишку Голубя. Он широко улыбался, по-

казывая прокуренные зубы. В руке он держал бокал с шампанским.

– Выпьем? – Кажется, он не собирался убирать руку с моего плеча.

– Миша, – я в упор посмотрела на него, освобождая плечо, – во-первых, ты знаешь, что я не пью...

– А во-вторых? – Он обхватил меня за талию.

– Во-вторых, где ты успел так набраться? Бар только открылся.

Мишка был на несколько лет старше меня и закончил университет в тот год, когда я туда поступила. Мы познакомились уже позже, когда я начала сотрудничать с газетой, где он трудился. Он постоянно клеился ко мне, но до сих пор безрезультатно, если не считать результатом несколько безответных поцелуев на редакционных праздниках. Вообще-то он был неплохим парнем, вот только в последнее время начал чересчур много пить. С другой стороны, кто сейчас не пьет, кроме трезвенников и язвенников, а уж какая для кого доза считается чрезмерной, по-моему, каждый должен знать сам. Мишка свою знал. Мне еще ни разу не приходилось видеть, чтобы он вырубился окончательно.

– Да я сюда похмелиться пришел, – весело произнес он, – на халяву. А ты, я смотрю, работаешь всюю.

– Куда деваться, – вздохнула я, убирая со своей талии его руку, – кушать-то всем хочется.

– Да ладно приbedняться-то, – Мишка в два приема опо-

рожнил бокал, — знаем, сколько ты имеешь со своего «Свидетеля».

— Это нетрудно подсчитать, зная тираж. — Я взяла со стола небольшой бутерброд с ветчиной.

— А что же ты тогда скромничаешь? — Он выпучил на меня свои светлые глаза. — Ладно, можешь не отвечать. Скажи лучше, ты здесь будешь? Я стогняю еще за шампанским.

Я посмотрела, как он удаляется в сторону бара, и взяла еще один бутерброд. В это время всех пригласили на свои места. Я подождала, пока в моем ряду в середине все усядутся, дожевала бутерброд и приземлилась рядом с «братьями», но многие зрители вообще не стали садиться, а остались рядом со столами, откуда все происходящее было прекрасно видно.

Второе отделение началось с демонстрации пляжных костюмов. Сплошные купальники сменили отдельные, но довольно-таки широкие, а под занавес манекенщицы выходили на подиум почти совсем голые. Публика, особенно ее мужская половина, разогретая пищей и шампанским, неистово реагировала на мелькание голых женских ляжек и животов. Я сделала снимки двух особенно открытых купальников и собиралась уже отчалить, чтобы не достал Мишка, который сидел через ряд передо мной и подавал мне знаки руками, когда на подиум снова вышла Киселева и торжественно произнесла:

— А сейчас я прошу вас поприветствовать виновника сего-

дняшнего торжества, автора коллекции, которую вы посмотрели, нашего молодого, но уже известного модельера Алексея Замуруева.

Расшумевшийся было зал снова затих, ожидая объявленную знаменитость городского масштаба. Манекенщицы выстроились в ряд у задней стенки сцены, лысый коротышка стоял с одного края подиума, Марина с протянутой к кулисам рукой – с другого, когда, ослепленный ярким светом софитов, на сцену вышел высокий – выше стоявших рядом манекенщиц – молодой мужчина в темно-синем бархатном костюме. Его кудрявые волнистые волосы красиво обрамляли правильный овал лица с мужественным подбородком. Я даже поднесла «Никон» к глазам, чтобы лучше его рассмотреть.

Что-то сразу показалось мне в нем странным. Даже не то чтобы странным – каким-то болезненным. Лицо его было бледным, будто его посыпали сахарной пудрой, а в больших карих глазах читался испуг. Он слабо улыбнулся Марине, сделал несколько шагов по подиуму, согнулся вперед, как будто его ударили ногой в живот, потом распрямился, но не до конца, а так, словно он нес на плечах тяжелый металлический рельс, и упал на колени.

Мне прекрасно было видно в объектив, как гримаса ужаса и боли исказила его лицо, изо рта появилась слюна, превратившаяся в пену, и он повалился на бок, конвульсивно сгибая ноги и руки, будто сломанная марионетка. На этом

его мучения, можно сказать, закончились, он каким-то образом дополз до края демонстрационной дорожки, перевернулся на спину, свесив голову вниз, и, дернувшись в судорогах, затих. Его лицо с хлопьями пены вокруг рта и страшно выпученными глазами смотрело прямо в объектив. По моей спине пробежал предательский холодок.

В зале повисла гробовая тишина, музыка, лившаяся из динамиков, оборвалась.

– Врача! – выкрикнул кто-то, и тут все забежали и зашумели. Поднялся настоящий переполох. Дамы истошно визжали.

Какой-то плотный мужчина в коричневом костюме из первого ряда кинулся к Замуруеву и стал щупать у него пульс.

«Неплохо бы вызвать милицию», – мелькнуло у меня в голове, и я уже потянулась за мобильником, как вдруг, словно услышав меня, над залом пронеслось четкое:

– Милиция, всем оставаться на местах!

* * *

– Так что пока приехала специальная бригада из прокуратуры, пока у всех взяли адреса... – сидя у себя в кабинете с Кряжимским, пересказывала я ему, позевывая, приключившуюся со мной вчера историю. – В общем, я попала домой после двух часов ночи.

– Что же с ним случилось? – Кряжимский потягивал кофе, с интересом слушая мой рассказ.

– Предположительно – отравление. – Я закурила сигарету.

– Отравление? – переспросил Сергей Иванович, поднимая на меня глаза. – Кого-нибудь подозревают?

– Подозревают всех и никого конкретно. В дальнем углу, за сценой и служебными помещениями, обнаружили пять ампул из-под стрихнина.

– Стрихнина? – удивился Кряжимский. – Очень редкий препарат.

– А вы что, интересуетесь ядами?

– Специально – нет. – Кряжимский покачал головой. – Просто вспомнил, что моему знакомому советовал его ветеринар. Для собаки.

– Он что, хотел умертвить собаку? – настал мой черед удивляться.

– Нет, Оленька, просто его собака перенесла какую-то редкую болезнь и получила осложнения, а стрихнин в небольших дозах, как, впрочем, и почти все другие яды, является лекарством. Вот мой приятель и просил меня помочь ему найти этот самый стрихнин.

– И что же, вы помогли ему?

– К сожалению, нет. Ты знаешь, оказывается, это сейчас большая редкость, не говоря уж о том, что яд хранится, соответственно, под строгим контролем. Так что даже я, с моими старыми связями, не смог ему помочь.

– Значит, если найти источник стрихнина, – во мне проснулся охотничий азарт, – то можно будет выйти на преступника?

– Наверное, – пожал плечами Кряжимский, – а ты никак собираешься снова заняться расследованием? – Он внимательно посмотрел на меня сквозь стекла очков. – Разве этим делом уже не занимается прокуратура?

– Заниматься-то занимается, – я хитро взглянула на него, – но все это произошло у меня буквально на глазах, и, если мы найдем преступника раньше, кому от этого будет хуже?

– Никому, конечно.

– А для тиража нашего еженедельника такая сенсация очень даже не повредит, а? Представляете, заголовки крупным шрифтом: «СМЕРТЬ НА ПОДИУМЕ», а дальше шрифт помельче: «Молодого тарасовского модельера убили за...»

– За что? – спросил Кряжимский, ставя пустую чашку на блюде.

– Вот это-то нам и предстоит выяснить. Его могли убить из зависти – он не бесталанный, из ревности – он молод и красив, из мести, – начала перечислять я, – да мало ли из-за чего. Для начала надо собрать побольше информации о Замуруеве и его окружении: друзьях, родственниках, знакомых, работниках его ателье – это первое, этим займусь я.

– Только не надо мне никаких заданий, – взмолился Кря-

жимский, поднимая руки вверх, – у меня газета...

– Газета не убежит, Сергей Иванович, вы прекрасно справляетесь со своими обязанностями, и я уже подумываю о том, чтобы повысить вам жалованье...

– Оленька, спасибо тебе, конечно, но мне, одинокому старику, вполне хватает денег, так что...

– Я ничего не хочу слушать, Сергей Иванович, – махнула я рукой, – если вам хватает денег, можете съездить отдохнуть куда-нибудь за границу, а поручение у меня к вам будет не такое уж и сложное: попытайтесь все-таки узнать, где в нашем городе можно найти стрихнин.

Если на Кряжимского надавить, он перестает сопротивляться и начинает сосредоточенно работать. Так и сейчас, зная, что перечить мне бесполезно, он тут же успокоился.

– Хорошо, я попробую, конечно, но ничего обещать не могу, я тебе уже говорил, что занимался этим вопросом.

– Попытка не пытка, – подбодрила я его, – если у вас ничего не получится, подключим еще кого-нибудь. Кстати, вы никогда раньше не слышали о Замуруеве?

– Только то, что он модельер, – развел руками Кряжимский.

– Ладно, Сергей Иванович, давайте выпьем еще по чашечке кофе для согрева и займемся каждый своими делами: я отправлюсь в ателье Замуруева, а вы...

– ...а я – искать стрихнин, – закончил мою фразу Кряжимский.

– Молодец, Сергей Иванович, хватаете все на лету. Только вам не обязательно куда-то идти, можете заниматься поисками и по телефону.

– Ладно уж, я сам разберусь, – буркнул он и, выглянув за дверь, попросил Марину – нашу секретаршу и мою подругу – приготовить нам кофе.

Глава 2

Застегнув на ходу пиджак, я устремилась к моей «Ладе», припаркованной на стоянке у редакции. Несмотря на то что только что началась вторая половина апреля, погода напоминала конец предыдущего месяца, и люди терялись в догадках: где же оно, это нежное солнце, ласкающее молодую листву, которая только-только начинает покрывать ветви деревьев, где прозрачные, как хрусталь, полдни и лазурное небо?

Я тоже недоумевала по этому поводу, хотя сегодня мне было некогда задаваться разными вопросами по поводу природного вероломства, так как предстояло докопаться до корней вероломства людского. А как вы думали? Любое убийство, не беру, конечно, в расчет романтическое противостояние Кармен и Хозе, является актом предательства. Интересная концепция? Кто-то, может, думает, что убийство требует от человека вдохновения и мужества, принятия на себя полномочий бога, решимости и силы... Пусть думает. Я считаю себя свободной от комплекса сверхчеловека и потому уверена, что больше силы, энергии и героизма требуется на то, чтобы сохранить жизнь, будь то жизнь человека или его брата меньшего.

Я не оригинальна, скажете вы. Но ведь самое ценное в человеческой жизни, как правило, обычно и самое простое.

Банальные истины, как это ни прискорбно, потому и выглядят непрезентабельно и затерто, что прошли немилосердную шлифовку огромным количеством серых будничных дней. Прошли и сохранили свою суть нетронутой, вечной, я бы сказала. Именно в этом и заключается их мнимая банальность, которая на моем языке присвоила себе эпитет «вечные».

Вот такая философия сложилась в моей голове.

Полная убежденности в собственной правоте, я остановилась у очередного светофора. Казалось, красный свет заело. Пешеходы уныло пересекали дорогу, недружелюбно поглядывая на колонну замерших автомобилей. Как-то равнодушно и отчужденно, словно нехотя, заморосил мелкий дождик, и прохожие пораскрывали зонты, также, впрочем, механически и отстраненно. Наконец моргнул зеленый, и я рванула с места. По обеим сторонам снова замелькали испещренные темной оспой дождя тротуары, стекла витрин, обезлюдевшие площади и нахохлившиеся остановки.

Ателье Замуруева располагалось в трехэтажном доме, изнемогавшем от декоративной пышности барочного фасада. Набережная встретила меня угрюмой пустотой и сизой пеленой тяжелых туч, готовых обрушиться в Волгу. Припарковав машину неподалеку и, как всегда, забыв зонт, я ринулась к входной двери. В лицо ударил порывистый ветер, на глазах выступили слезы. Ателье занимало весь первый этаж, остальное пространство заполнили разнообразные конторы

и фирмы. Синие и красные таблички предупреждали входящего об их существовании с характерным официальным лаконизмом.

В дверном проеме я увидела недовольную физиономию угрюмого охранника.

– Добрый день, я в ателье, – сунула я ему под нос мою визитку.

Он бросил на нее не особенно любопытный взгляд и вяло кивнул. Его гигантское, тучное тело, водянистые глаза, напоминавшие мутные объективы, и дрябловатые щеки говорили о несокрушимой уравновешенности. Флегматичные жесты только дополняли впечатление.

Я пронеслась мимо него со скоростью тридцать миль в час и, миновав облицованный гулким мрамором холл, свернула направо. Застеленный ковровой дорожкой коридор привел меня к двери, на которой была прибита бронзовая табличка с надписью: «Ателье. Замуруев А. П., Кожемякина В. Д., закройщики Поливанов С. И., Градецкая С.Р., цех готовой продукции».

Фамилии шли сверху вниз. Я легонько постучала. Не получив отклика, толкнула дверь и переступила через порог. Мне открылась просторная комната, уставленная диванами и аквариумами разной формы и размеров. В глубине располагался овальный стол, за которым худошавая блондинка с резкими чертами лица и короткими топорщившимися волосами оживленно разговаривала по телефону. Она лишь кра-

ем глаза наблюдала за мной. Я сделала еще несколько шагов, ощущая под ногами ровную мягкость ковровина. Его синеватая расцветка гармонировала и с бежевой обивкой диванов, и с бледно-голубыми стенами, по которым, скрывая светлые кашпо, густо вилась кудрявая комнатная зелень.

Здесь не было пальм, что приятно поразило меня. Тропическая растительность, заботливо рассаженная по кадкам зажиточными обитателями нашего скромного провинциального города, некогда казавшегося мне едва ли не Нью-Йорком, успела меня изрядно утомить. Словно несла на себе черты претенциозности и снобистского тщеславия своих хозяев.

Я не пролетарий, нет, просто не люблю подражательной показухи и с трудом переносу людей, страдающих отсутствием собственного мнения и хорошего вкуса.

– Добрый день, – непринужденно поздоровалась я с блондинкой, закончившей разговор по телефону и теперь вопросительно смотрящей на меня.

– Добрый... – Она скептически улыбнулась и встала из-за стола. Было видно, что она не расположена вести беседу, но долг работника солидного ателье заставляет ее проявить минимум вежливости.

– Вы по поводу заказа? – осторожно полюбопытствовала она, с недоумением рассматривая висевший на моем плече «Никон». – Ах нет, вы, наверное, журналистка. Я правильно угадала?

В ее голосе послышался металл. Надо признаться, это

очень шло к ее облику, отрывистым жестам, холодному испытующему взгляду и строгому, идеально сидящему на ее сухопарой фигуре костюму. Стальной цвет костюма и отсутствие украшений только усиливали впечатление «железной леди».

Я поняла, что этого подозрительного цербера в юбке просто так не смягчить и не разжалобить. Надо разыграть небольшой спектакль.

– Вы не далеки от истины в обоих случаях, – как можно любезнее сказала я. – Во-первых, я действительно пришла заказать кое-что, а во-вторых...

– Присаживайтесь, пожалуйста, – не дав мне договорить, указала блондинка на диван у журнального столика.

Я утонула в диванных подушках и, прежде чем успела рассмотреть экзотических обитательниц аквариума, прилаженного к белой колонне рядом со столиком, получила из рук секретарши несколько отлично изданных каталогов.

– Галочкой отмечено, какие модели в наличии, – лаконично прокомментировала блондинка, – а вот последняя коллекция Алексея...

Голос изменил ей, она с трудом перевела дыхание и отвернулась.

– Вы знакомы с ней? – выдавила она из себя, усаживаясь рядом.

– Частично, – равнодушным тоном произнесла я, перелистывая яркие глянцевые страницы.

– Ну, это вряд ли вам будет интересно, – она перевернула сразу несколько страниц, – это для дам в возрасте, а это лекция вечерних туалетов. – Она выжидательно посмотрела на меня.

– Это меня, пожалуй, заинтересует, – улыбнулась я, фокусируя внимание на терракотовой шифоновой кофточке и палевой в коричневых листьях длинной юбке к ней, – по-моему, очень стильно...

– У вас хороший вкус, – со знанием дела отметила блондинка, – а что вы скажете об этом?

Она перевернула страницу и деликатно постучала зажатым между указательным и средним пальцами карандашом по фотографии манекенщицы с высоко взбитыми черными волосами.

Простое темно-фиолетовое платье на тонких бретельках красиво облегалo стройную фигуру девушки. Густой оттенок ткани выгодно подчеркивал прозрачную белизну рук и плеч модели.

– Чудесно, – улыбнулась я, – восхитительно!

Блондинка с некоторым недоверием посмотрела на меня, в то время как я всем своим видом изображала сумасшедший восторг.

– Но боюсь, что к моим каштановым волосам пойдет что-нибудь... Вот, какая замечательная модель!

Не заботясь о приличиях, я ткнула пальцем в другую фотографию, изображавшую не менее стройную и красивую де-

вушку с меланхоличным, как мне показалось, взглядом ореховых глаз и блестящими, рассыпанными по плечам каштановыми волосами.

— Господи, — вздрогнула я, — да это же та самая ведущая, как ее... Киселева, да-да, Марина Киселева!

На ней была белая кофточка, открывавшая живот и завязанная спереди живописным узлом. Но изюминка туалета заключалась в том, что блузка выглядела как кофточка только спереди, сзади же вся спина была открыта. Блузка держалась на фигуре благодаря двум тонким перекрещивающимся на спине тесемкам. Брюки с разрезами до колен дополняли этот откровенный наряд.

— Мне кажется, это слишком... слишком... — Блондинка недовольно поджала губы. — Хотя, — вспомнила она о коммерческом интересе ателье, — в некоторых случаях ничего лучше и придумать нельзя. Ох уж эти мужчины...

Она снисходительно улыбнулась и покачала своей коротко стриженной головой. В этот момент дверь в правом углу комнаты распахнулась и на пороге появился светловолосый парень в джинсовом комбинезоне. В его левом ухе болталась серьга в форме католического креста, длинные барашки волос рассыпались по плечам. На ярко-синей майке виднелась часть какой-то английской надписи. Карие глаза парня удивленно уставились на меня.

— Валентина Дмитриевна, можно вас на пару слов? — обратился он к блондинке.

– Станислав, – всплеснула она руками, сразу лишившись маски злобного цербера и неожиданно обретя женственность, – как ты прошел, почему я тебя не видела?

– Света все рассказала мне, – с оттенком горечи в голосе сказал Станислав. – Но мне нужно кое о чем спросить вас тет-а-тет.

– Конечно, конечно, – засуетилась Валентина Дмитриевна. – Посмотрите пока сами, – извиняющимся тоном обратилась она ко мне, – я отойду на секундочку.

– Пожалуйста, пожалуйста, – отозвалась я, принявшись как ни в чем не бывало листать каталог.

Валентина Дмитриевна и Станислав торопливо прошли к секретарскому столу. Она села на свое место, он – по другую сторону овального гиганта, и они стали о чем-то напряженно и озабоченно шушукаться. Иногда до меня долетали отдельные слова, передававшие основной смысл разговора. Я примерно знала, о чем шепчутся «железная леди» и Станислав. Речь, вне всякого сомнения, шла о смерти Замуруева, человека, обеспечивавшего их хорошей работой.

Мне довольно часто попадались фото Киселевой на страницах каталогов. Больше всего ей шло выражение задумчивой грусти или вызывающей пристальности, с которой она порой буравила взглядом смотрящего на фото. Но когда эта красивая шатенка улыбалась, меня не покидало ощущение какой-то холодной фальши. В общем, она казалась то милой и печальной, то соблазнительно-инфернальной. Улыб-

ка подобно ядовитой змее скользила по ее губам, и горящий взгляд исподлобья вкупе с ледяной угрозой, притаившейся в углах рта, придавал ей застывшее очарование женщины-вампа. Пикантно смотрелась родинка над верхней губой.

«С такой неординарной внешностью и умением быть всегда разной Киселева – находка для модельного бизнеса, – подумала я. – Такие красотки должны разбивать мужские сердца и править судьбами».

Я незаметно повернула голову в сторону Станислава и Валентины Дмитриевны. Напряжение на их лицах уступило место какой-то туповатой рассеянности. По всей видимости, разговор подошел к концу. Пожав в очередной раз плечами и выпятив губы, Станислав встал с кресла и направился к двери, из которой появился. Проходя мимо меня, он одарил меня магнетически-вопросительным взглядом.

– Вы у нас что-нибудь заказываете? – спросил он.

– Именно, – суховати ответила я.

– И Валентина Дмитриевна снабдила вас всей этой белибердой, – улыбнулся он, обнажая в улыбке крепкие белые зубы.

У Станислава было скуластое лицо, крупный нос и волевой подбородок. «Такие, – подумала я, – должны нравиться неопытным смазливим дурочкам, но что касается меня... Мне подавай что-нибудь экзотическое!»

И все-таки в интересах дела я решила воспользовать-

ся симпатией, которую вызвала у Станислава. Его мягкий взгляд красноречиво говорил об этом. То ли еще будет, когда я, например, встану и этот кудрявый блондин сподобится милости оценить мои длинные стройные ноги! Я слабо улыбнулась своим глупым мыслям и тут же подняла полный наивности взгляд на Станислава.

– А вы можете предложить что-нибудь лучше?

– Каталоги не дают полного представления о модели, – снисходительным тоном сказал он. – Картинки есть картинки...

– Ну, это ты зря, – расплылась в чарующей улыбке подоспевшая как раз вовремя Валентина Дмитриевна. – Конечно, всем мастерам свойственно это высокомерие...

Она заволновалась, кашлянула и кокетливо посмотрела на Станислава.

Как, эта конторская крыса ничем не отличается от молоденьких простушек? Ничем, что касается пристрастия к определенному типу мужчин? Я едва не засмеялась. Мне почему-то стало жаль Валентину Дмитриевну – такой несвоевременной и уязвимой показалась мне ее страсть... Нет, скорее любовь... или влечение, интерес к Станиславу.

– Валентина Дмитриевна, а что, если наша очаровательная клиентка пройдет в цех готовой продукции и на месте, как говорится, ознакомится с имеющимися в наличии моделями, а?

Станислав устремил на секретаршу жестокий по своей

беззаботности взгляд. Надо было видеть, скольким трудам, какому героическому усилию воли была обязана ее вымученная улыбка, которую она все-таки сумела изобразить на своих изъеденных недовольством и скепсисом губах.

– Как вам будет угодно, – изображая безразличие, пожала она плечами.

Но голос выдал ее – он был обиженным и горьким.

– Вот и чудненько, – обрадованно всплеснул руками и растекся в сладкой улыбке Станислав. – Пойдемте.

Я понимала, что если поднимусь с кресла, то нанесу секретарше жестокий удар. Станислав тут же составит себе представление о моей классной фигуре.

Так и случилось. Едва я поднялась, Станислав прошелся по мне профессиональным взглядом. Валентина Дмитриевна, изобразив на лице холодное отчуждение, деловито и замкнуто собрала каталоги и вернулась на свое рабочее место. Я последовала за Станиславом, радуясь возможности поговорить о Замуруеве не с язвительной мымрой, которая сейчас пялилась на экран монитора, а с симпатизирующим мне молодым человеком.

У самой двери Станислав притормозил, галантно предоставляя мне право войти первой. Мы оказались в огромной, заставленной манекенами комнате. На манекенах были развешаны туалеты. У меня зарябило в глазах: разноцветные ткани, блестки, золотистые отделки, затканые серебром, усыпанные рубиновой и изумрудной крошкой лифы,

сверкающие лазурью и жемчугом кофточки, металлические пряжки, украшенные драгоценностями аграфы, большие и маленькие брошки... Жалюзи были подняты, и все это великолепие, осветившееся невесть откуда появившимся солнцем, грозило ослепить меня.

Около одного манекена суетились и ворковали две девушки. Одна из них придерживала манекен за деревянный стержень, торчавший из его шеи, другая пыталась создать из складок тонкой розовой материи чудо гармонии.

Лица последней я не разглядела: копна черных волос скрывала его, смазливая мордашка той, что придерживала манекен, была замечательна разве только выражением бездумной наивности. На девушках были мини-юбки, дополнением к коим выступали на одной – твидовый пиджак, на другой – бархатное болеро.

– Наташа, Юля, – обратился Станислав к девушкам, которые при нашем появлении оторвались от своего занятия, – это наша будущая клиентка... – Он замялся, вспомнив, что не знает, как меня зовут.

– Ольга, – помогла я ему.

Он благодарно улыбнулся и вопросительно посмотрел на меня: – С чего начнем?

– Не знаю. – Я растерянно озиралась по сторонам, глядя на десятки манекенов. – Может быть, деловой костюм? Не слишком строгий и оригинальный.

– Конечно, – Станислав показал рукой в дальний конец

зала, – давайте пройдем туда.

Станислав показал мне несколько костюмов, но я все отвергла.

– Может быть, что-нибудь из последней коллекции? – Я подняла на Станислава глаза.

– Конечно, конечно, – он замялся, – вообще-то с этим есть небольшая проблема...

– Я была на вчерашнем показе, – с сочувствием в голосе произнесла я, – так что в курсе ваших проблем.

– Вот как, – удивился он, – а я-то смотрю и думаю, где я мог вас видеть? Кажется, вы были с этим шикарным «Ником», да?

– Я профессионально занимаюсь журналистикой, – кивнула я. – Вы читали «Свидетель»?

– А-а, о-о! – вырвалось у него несколько междометий. – Достойная газета... Вы там работаете фоторепортером?

– И по совместительству главным редактором, – скромно улыбнулась я, – только работа фоторепортера нравится мне больше. Честно говоря, мне кое-что приглянулось из последней коллекции Замуруева, и я действительно не прочь что-нибудь для себя заказать, но я гораздо больше буду вам благодарна, если вы поделитесь со мной кое-какими фактами из биографии вашего бывшего начальника.

– Хотите перебивать косточки покойному? – разочарованно хмыкнул Станислав.

– Если я и собираю сплетни, – я сделала вид, что обиде-

лась на его последний вопрос, — то только для того, чтобы раскрыть очередное убийство. Если бы вы угостили меня кофе и ответили на несколько моих вопросов, то я была бы вам очень признательна.

— Ну конечно, пойдемте в мой кабинет. — Он, наверное, понял, что погорячился, и пытался загладить свою вину.

Что ж, тем легче будет вызвать его на откровенный разговор. Я прошла следом за Станиславом в комнату, которую он называл кабинетом. Там стоял длинный широкий стол, покрытый светлым пластиком, на котором лежали большие и маленькие лоскуты тканей самых разнообразных фактур и расцветок, огромные ножницы, портновские лекала и несколько видов пуговиц в прозрачных пластиковых пакетах.

Станислав щелкнул рычажком электрочайника, стоявшего на широком подоконнике, сдвинул в сторону тряпки, лежавшие на столе, и поставил на освободившееся место две маленькие чашечки.

— Ой, да вы садитесь, — опомнился он, пододвигая мне стул. — А может, коньячку?

— Я за рулем, — ответила я, присаживаясь к столу. — Но если немного в кофе...

— Ага, я сейчас. — Он суетливо порывлся в стенном шкафу, заваленном выкройками и лоскутами, и извлек оттуда трехзвездочный «Дагестанский».

Наконец, закончив мельтешить перед глазами, он сел за

стол рядом со мной.

– Если вы не возражаете, начнем с вопроса: кому это было выгодно? – Я сделала глоток кофе и закурила.

– Если вы имеете в виду бизнес Замуруева, то скорее всего никому, – задумчиво произнес Станислав.

– А можно пояснее?.. – выпустила я тонкую струю дыма в потолок.

– Можно и яснее. – Он ненадолго задумался. – Этот бизнес, – он обвел рукой помещение, в котором мы находились, – требует довольно больших затрат, окупающихся очень нескоро, поэтому без спонсора здесь не обойтись. В данном случае нас спонсировал брат Лешкиной жены – Гришка Ложкин, слышали?

– Кажется, он занимается торговлей автомобилями, – вспомнила я.

– Да, – кивнул Станислав, – так вот, со смертью Лешки мы получили двойной удар – потеряли нашего ведущего модельера, имя которого уже было наполовину раскручено, и спонсора, который вряд ли будет продолжать нас спонсировать после смерти своего родственника. Конечно, незаменимых людей нет, есть талантливые модельеры, может быть, и спонсор найдется, но к тому времени, как это произойдет, мы скорее всего просто перестанем существовать как Дом моделей.

Он грустно посмотрел в пустую чашку и, плеснув туда коньяку, залпом выпил его. Мне стало жаль его, и я попыталась

его успокоить:

– Не стоит так отчаиваться, по-моему, у вас прекрасные сотрудники, выкрутитесь как-нибудь, всем сейчас не просто.

– А-а, к черту! – Он резанул воздух рукой. – Сдернуть бы из этой гребаной страны...

– Нет ничего невозможного, Станислав... – Я легонько хлопала его по плечу. – Так, значит, смерть Алексея была вам невыгодна, а врагов у него не было?

– Смотря кого считать врагами, – философски произнес Станислав. – Завистники, наверное, были, а явных врагов я что-то не припомню. Конечно, Ирке могло не нравиться, что Лешка погуливал от нее, но не настолько уж она ревнива, чтобы из-за этого пойти на убийство.

– Кстати, вы были вчера за кулисами перед выходом Алексея?

– Я следил за выступлением из-за кулис, Алексей там тоже суетился: то выбегал к сцене, то снова заходил в свою комнату.

– Говорят, что его отравили стрихнином, нашли ампулы.

– Слышал. – Станислав покачал головой. – Яд подсыпали в бокал с шампанским, Алексей к нему периодически прикладывался для снятия напряжения. Видно, кто-то зашел в комнату и вылил яд в бокал, когда там никого не было.

– Кто-то мог видеть, как убийца заходил в комнату...

– Да туда кто только не заходил.

– Станислав, а как вы думаете, Гриша Ложкин знал, что

Замуруев изменял его сестре?

– Не знаю, он и его ребята периодически бывали здесь и о чем-то беседовали с Лешкой, но я ни разу не присутствовал при их разговорах и не знаю, что они обсуждали.

– Может быть, финансовые вопросы? – предположила я.

– Может, и финансовые. – Станислав налил себе коньяку. – Хотите еще кофе?

– Не откажусь.

Станислав подогрел воду и наполнил мою чашку.

– Пожалуйста. – Он добавил коньяку и пододвинул чашку ко мне. – Хотите еще что-нибудь узнать?

Я закурила сигарету и, закинув ногу на ногу, спросила:

– Ложкин был на вчерашнем показе?

– Конечно, он таскался на все Лешкины шоу и всегда сидел в первом ряду как спонсор, вы, наверное, видели его рекламу в зале.

– «Сервис-авто»?

– Ага, одна из самых крутых фирм в городе.

Он снова опорожнил свою чашку, глаза его немного затуманились.

– Может быть, перейдем на «ты»? – осмелев, спросил он.

– Не возражаю, – поддержала я его порыв, – если подскажешь мне, где я могу найти Ложкина.

– Его контора располагается на третьем этаже комплекса «Звездный», – Станислав предупреждающе посмотрел на меня, – но я бы тебе не рекомендовал соваться к нему с рас-

спросами.

– Почему это? – с тревогой поинтересовалась я.

– Мафиози не любят, когда посторонние суют нос в их дела. Я Лешке давно советовал сменить спонсора, но он меня не послушал.

– Так ты все-таки считаешь, что Ложкин причастен к его смерти?

– Ничего я не считаю, но сам бы я такого спонсора иметь не хотел.

– Почему?

– Да что ты все заладила, почему да почему! – вспыхнул Станислав. – Потому что оканчивается на «у».

– Если бы ты мне высказал свои соображения по этому поводу...

– Ладно, – он резанул воздух рукой, – я тебе скажу. Если Ложкин причастен к смерти Замуруева и если он узнает, что ты копаешься в этом деле, он тебя даже предупреждать не станет, просто прикажет своим гоблинам грохнуть тебя и закопать где-нибудь на Кумыске. А мне бы этого очень не хотелось – ты хорошая девушка и, честно говоря, сразу мне понравилась. Так что подумай хорошенько, нужны ли тебе неприятности.

– Ты что, хочешь запугать меня? – Я достала из пачки сигарету.

– Просто объясняю тебе ситуацию. Не забывай, в какой стране ты живешь.

- Так ты что, считаешь, что нужно оставить все как есть?
- Пусть этим занимается милиция.
- А если милиция не найдет убийцу?
- Тебе-то это зачем надо?
- Значит, по-твоему, пусть преступник гуляет на свободе?
- По-моему, расследованием должны заниматься профессионалы.

– Многие преступления раскрываются журналистами. Неважно, кто найдет убийцу, лишь бы посадить его в тюрьму.

– А если журналисту это будет стоить жизни? – Станислав разошелся не на шутку.

– Не будем о мрачном. – Я сделала несколько глотков кофе. – Я не такой человек, чтобы останавливаться на полпути, так что не отговаривай меня. Мне не нравится философия всепрощения – это прерогатива убогих или очень сильных людей. Ни к тем, ни к другим я себя не отношу, но если я могу что-то сделать, чтобы жизнь в нашей стране стала немного лучше, я сделаю это.

– Да-а, – протянул Станислав, подперев голову рукой, – пафоса – хоть отбавляй, а если копнуть поглубже – ты просто гоняешься за очередной сенсацией для своей газеты.

Я медленно поднялась со стула. Волна праведного гнева ударила мне в голову. Самое главное, что отчасти он был прав, но меня уже понесло.

– Знаешь что, Стасик, – я посмотрела на него сверху

вниз, – мне показалось, что ты приличный парень, а на деле получается, что ты... – Я запнулась, подбирая подходящее определение, и бросила ему: – Ты дерьмо и навсегда останешься им.

Направляясь к выходу, я надеялась, что он остановит меня и мы урегулируем непредвиденную ссору. Никто меня не остановил.

– Ну и черт с тобой, – сказала я. – До свидания, – проходя мимо Валентины Дмитриевны, кивнула я ей.

Глава 3

В течение целого часа я корила себя за несдержанность, проявленную мной при разговоре со Станиславом. Я читала себе разные проповеди и испытывала настоящее чувство стыда. «Уж не больно ли ты высокого мнения о себе? – мысленно спрашивала я себя, направляясь в редакцию. – Может, бросить все это, ограничиться газетными буднями, деловито подписывать бумаги, слушать доводы Кряжимского, пить кофе и подсчитывать прибыль?

Чушь, – одернула я себя, – во что превратится твоя хвалебная газета, если ты спустишь все на тормозах, если активной жизненной позиции предпочтешь сугубо административную работу? И главное, во что превратишься ты сама? Сможешь ли ты себя уважать?»

Припарковав машину, я поднялась в редакцию, не переставая корить себя и песочить. Черт, такое самокопание тоже имеет свои минусы: вместо того чтобы быстро реагировать на ситуацию и моментально принимать решения, приходится отчитываться перед собой и с утра до вечера разбирать мотивы своих поступков.

Кряжимский встретил меня кислой миной.

– Что такое, Сергей Иванович? – спросила его я, когда мы вошли в мой кабинет.

– Пока ничего узнать не удалось, – горестно покачал он

головой.

Убитый вид Кряжимского действовал на меня раздражающим образом.

– К чему такая печаль! – поддела я его. – Раскисать нам некогда, мне тоже повезло лишь отчасти. Давайте лучше перекусим.

Я подмигнула немного растерявшемуся заму и вызвала Марину. – Мариночка, организуй нам замор червячка, – намеренно беззаботно и весело, чтобы ободрить Кряжимского, сказала я секретарше.

Марина понимающе посмотрела на меня, потом на Сергея Ивановича, кивнула и исчезла за дверью. С моими гастрономическими пристрастиями она была более или менее знакома, и я была уверена, что она не подведет.

– Ты сказала, что тебе все же повезло, – вернулся Кряжимский к прерванному разговору.

– Собой я, конечно, не особенно довольна, а что касается дела... Мне удалось выяснить следующее: Замуруева спонсировал Ложкин, Замуруев был женат на его сестре и погуливал от нее. Но знал ли об этом Ложкин, да и сама его сестренка?... В любом случае это не мешало бы узнать. Не исключено, что смерть Замуруева – дело рук Ложкина. Мотива два: финансовые проблемы, разборки то есть, и месть за поруганное имя сестры.

– Фамилия знакомая... – задумчиво произнес Кряжимский.

– Еще бы! Ложкин ведет автомобильный бизнес. Слышали о такой компании: «Сервис-авто»?

– Не один раз. – Сергей Иванович потер подбородок. – И что же ты намерена делать?

Кряжимский поднял на меня пытливым взгляд.

– Встретиться с сестрой Ложкина, а если понадобится, то и с ним самим.

Кряжимский даже присвистнул.

– Что такое, Сергей Иванович, вы чем-то удивлены? – спросила я, глядя в его расширенные от испуга глаза.

– Не нужно быть провидцем, чтобы понять, что Ложкин – мафиози. Весь автомобильный бизнес контролируется подобными экземплярами, и твое намерение встретиться с ним выглядит по меньшей мере наивно...

– Вы заметили, что в этой стране наивными называют всех, кто хочет хоть что-то сделать для ее блага? – язвительно сказала я, вспомнив разговор со Станиславом.

– Я не хотел обидеть тебя, Оля. Кому как не мне знать, что ты за человек и из каких передраг нам приходилось иной раз выбираться...

– И успешно, Сергей Иванович, выбираться, – подчеркнула я, – так что прочь скепсис и подавленность!

В этот момент дверь распахнулась и на пороге возникла Марина. Ее щеки полыхали пурпурным румянцем, глаза блестели.

– Что, на улице по-прежнему холод? – игриво спросила я.

– Ага. – Марина подошла к столу и стала выгружать гастрономические трофеи. – Пришлось до супермаркета прогуляться.

– Свежий воздух тебе на пользу, – повеселел Кряжимский.

Он с видимым удовлетворением разглядывал яркие этикетки.

– Сервелат московский, здесь «Данон», – Марина выгрузила упаковку йогуртов, – сыр, салат крабовый... Так, что еще? – Марина убрала с лица темную прядь.

– А как насчет ста граммов? – пошутил Кряжимский.

– А вот этого нам не надо, – смеясь, сказала я, – рановато еще, дел по горло!

– Кофе будет готов через несколько минут. – Выслушав благодарственные слова, Марина захлопнула дверь.

– Ой, тут и пирожные, ну прямо пир на весь мир! – облизнулся Кряжимский.

– Угощайтесь, – пригласила я Сергея Ивановича к трапезе, открывая пластиковую коробочку, где аппетитно розовело крабовое мясо.

– И когда ты планируешь навестить сестру Ложкина? – невнятно, с набитым ртом, поинтересовался Кряжимский.

– После того как вы узнаете, где сия гражданка проживает. В адресный стол обращаться не надо – всем известно, какие у вас, Сергей Иванович, обширные знакомства и связи... – Я бросила на Кряжимского взгляд заговорщицы.

Он чуть не поперхнулся.

– Узнать-то я могу, только вот... – Он замешкался.

– Не волнуйтесь вы так! Будем держать связь по мобильным, все будет нормально.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.